

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)**

На правах рукописи

СОЛОВЬЕВ
Андрей Юрьевич

**«ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОЛУДЕННУЮ РОССИЮ» В. В. ИЗМАЙЛОВА
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКОВ**

Специальность 10.01.01-10 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2011

Общая характеристика.

Исследование процессов, происходивших внутри литературного направления сентиментализма, нацелено на выявление его особенностей, отразившихся впоследствии на русской классической прозе. Оно помогает понять историческое и вневременное значение сентиментализма и его роль в становлении русской классической литературы. Хотя в центре исследований литературы русского сентиментализма находится творчество Н. М. Карамзина, само возглавленное им направление не может быть глубоко понято без писателей, творчество которых было в прямой зависимости от Карамзина, писателей, которые не только упрощали, но часто и развивали его литературные принципы.

К одним из самых ярких последователей Карамзина принадлежит Владимир Васильевич Измайлов (1773–1830). Уже первые его произведения, прозаические и стихотворные, опубликованные в журнале В. С. Подшивалова «Приятное и полезное препровождение времени» (1794–1798) и в альманахе Карамзина «Аониды» (1796–1799), несли на себе печать нового направления. Среди них выделяется повесть «Ростовское озеро» (1795), написанная под прямым влиянием повестей Карамзина, в первую очередь «Бедной Лизы» (1791). Свою верность жизненной и литературной позиции, определившейся под воздействием Карамзина, Измайлов сохранил в продолжение всей своей жизни. Это не помешало ему в зрелых произведениях проявлять авторскую самостоятельность. К наиболее значительным из них относится «Путешествие в полуденную Россию» (1800–1802). Многие проблемы, волновавшие авторов сентиментального направления, нашли в нем свои оригинальные решения. Изучение «Путешествия в полуденную Россию» важно как для выявления основных закономерностей развития жанра сентиментального путешествия, так и для понимания литературы сентиментализма в целом, чем определяется **актуальность** диссертационной работы.

«Путешествие в полуденную Россию» может быть рассмотрено в разных аспектах. Один из них связан с культурно-идеологическим освоением «полуденных стран», присоединённых к России в царствование Екатерины II.

Другой аспект определяется интересом к экзотике окраин, возникшим в связи с изучением духа народов. Кроме того, в «Путешествии» воплотилась идея духовного перерождения героя, воспринятая Измайловым через аллегорические масонские и дидактико-политические романы классицизма. Поэтому в перспективе «Путешествие» может быть исследовано в контексте, с одной стороны, масонской литературы, с другой, — в контексте романной традиции Нового времени. Отразились в нем и традиции древнерусских хождений и путевых записок XVIII века.

Однако основным контекстом для «Путешествия в полуденную Россию» служат сентиментальные путешествия, восходящие в русской литературе к карамзинским «Письмам русского путешественника» (первое издание 1791–1792). Именно в этом непосредственном контексте и рассматривается в диссертационном исследовании «Путешествие» Измайлова. Представляется исключительно важным не просто обозначить действительные и вероятные связи «Путешествия» с другими произведениями эпохи, но выявить его специфику на фоне общих жанровых закономерностей, для чего стало необходимым привлечение широкого круга произведений в жанре сентиментального путешествия. Помимо «Писем русского путешественника» Карамзина, к ним относятся: «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» (1800) и «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (1803) П. И. Сумарокова, «Путешествие в Малороссию» (1803), «Другое путешествие в Малороссию» (1804) и «Путешествие в Таганрог, Одессу и Крым» (1812) П. И. Шаликова, «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» (1803) М. И. Невзорова. Названные произведения принадлежат одной эпохе – 1800-м годам. Их сходство определено уже тем, что они написаны авторами, ориентировавшимися на приблизительно один круг литературных явлений, а также тем, что в них описываются путешествия по России. Жанровая однородность этих произведений далеко не безусловна, но все же их можно выделить в одну жанровую группу по отличающим их общим признакам. Эти признаки не обязательно присутствуют в каждом произведении в своей совокупности, но в каждом мы находим хотя бы большую их часть. К ним принадлежит в первую очередь эпистолярная форма повествования, наличие

в нем «чувствительных» эпизодов, «приятный» его слог, или, что не менее важно, установка автора на «приятный слог». Особенность жанра составляет и центральная фигура повествователя, которого отличает живой интерес к истории и культуре посещаемых им мест. Все указанные черты должны рассматриваться в комплексе, как части единого целого, подчинённые определённой художественной задаче.

Степень разработанности проблемы. Творчество писателей-карамзинистов до сих пор мало рассматривалось в отношении его реального вклада в развитие литературы. Ни одно из русских сентиментальных путешествий, за исключением «Писем русского путешественника», не изучалось монографически, нет и полного концептуального описания жанра.

Несмотря на широкую прижизненную известность Измайлова, его творчество до недавнего времени почти не привлекало внимания. Это было связано с тем, что закрепившаяся за ним репутация подражателя Карамзина определила предвзятость подхода к нему как к автору второстепенному и потому малоинтересному. Хотя произведения Измайлова и перепечатывались в последние десятилетия, говорилось о них всегда бегло и только в трудах обобщающего характера. Более разработанным остается не литературное творчество писателя, а его журнальная и цензорская деятельность. Так, единственная на сегодня монографическая работа о Измайлове – кандидатская диссертация И. Е. Прохоровой – посвящена его журналистскому поприщу.¹

Между тем «Путешествие в полуденную Россию» остается до сих пор фактически не изученным. Отдельные специальные исследования о нем по сию пору отсутствуют. Однако на важность этого произведения для изучения литературы начала XIX века, например, жанра путешествий, указывает обязательное включение его в общие исследования, в которых даются общие его описания, с приблизительной степенью точности. В диссертационной работе восполняется недостаток исследования «Путешествия в полуденную

¹ Прохорова И. Е. В. В. Измайлов – издатель и журналист первой трети XIX века: Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. Фак. журналистики. Каф. истории рус. журналистики и лит. М., 1995.

Россию», одного из наиболее значительных произведений карамзинского направления.

Объектом исследования в диссертационной работе является «Путешествие в полуденную Россию» Измайлова.

Предмет исследования – история «Путешествия в полуденную Россию», в том числе история его текста, в контексте становления в русской литературе жанра сентиментального путешествия.

Цель настоящей работы – проанализировать специфику восприятия «Путешествия» Измайлова современниками на основании соотношения между проблематикой, замыслом и традициями, в русле которых было создано произведение, с одной стороны – и сложившимися нормами восприятия сентиментально-просветительского путешествия, с другой.

Целью работы определяются конкретные **задачи исследования**. К ним относятся:

- изучение основной проблематики «Путешествия» в связи с его художественной природой;

- анализ его композиции и сюжета;

- выявление авторского замысла, отразившегося в истории текста;

- интерпретация как отечественных, так и зарубежных откликов на «Путешествие»;

- определение места этого произведения в русском литературном процессе конца XVIII – начала XIX веков.

Материалом изучения являются все прижизненные издания «Путешествия»: три полных издания 1800, 1802 и 1805 годов, публикации отрывков из него в хрестоматиях 1810–1820-х годов и переводы отрывков, появившиеся в зарубежных изданиях 1800-х годов.

Методологическая основа диссертации определяется материалом изучения. Диссертационное исследование опирается на историко-литературный и историко-культурный методы, разработанные в трудах П. Н. Беркова, В. Э. Вацура, Ю. Д. Левина, Ю. М. Лотмана, В. П. Степанова. Наиболее значимыми для выбранного типа исследования предстают: статья Т. А. Роболи о трансформациях сентиментального путешествия в русской литературе (1926), работы Ю. М. Лотмана о «Письмах русского

путешественника» (1984, 1987), а также монография К. Н. Атаровой о «Сентиментальном путешествии» Л. Стерна (1988). Методологическим ориентиром диссертационного исследования служит книга В. Э. Вацура «Готический роман в России» (2002). Хотя она посвящена не путешествию, а роману, она во многом определила отношение соискателя к исследуемому им предмету. Именно в ней представлен опыт концептуального рассмотрения материала, недостаточно привлекавшего ранее к себе внимание, в результате чего В. Э. Вацура была создана концепция развития одного из прозаических жанров.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В «Путешествии» Измайлова отразились сущностные признаки жанра сентиментального путешествия, каким оно сложилось на рубеже XVIII–XIX веков в России. Возникшее еще в XIX веке представление о росте бессюжетности и шаблонности при эволюции сентиментального путешествия требует пересмотра в виду современного уровня понимания литературы сентиментализма.

2. Оригинальность обращения Измайлова к традиционному для сентиментализма противопоставлению естественного и искусственного, природы и просвещения, заключается в разработке концепции гармоничного сочетания двух начал на новом для русской литературы материале. Поиск такой гармонии составил основу сюжета «Путешествия».

3. Опираясь на опыт Ж.-Ж. Руссо, Л. Стерна, Ш. М. Дюпати, Н. М. Карамзина, Измайлов создал произведение, рассчитанное и на широкий круг читателей, и на ближайшее окружение. При этом в «Путешествии» намечены поэтические темы, связанные с образами «полудня», которыми сам автор не сумел воспользоваться в полной мере. Выявленные им художественные решения еще нуждались в обработке.

4. «Путешествие» не могло удовлетворить разнообразным запросам читателей и критиков: оно не было ни просветительским, ни сентиментальным в чистом виде, как понимался тогда этот жанр. Появление второй редакции «Путешествия» было вызвано решением Измайлова пожертвовать одной из сторон своего произведения. Частичное изъятие

«сентиментальных» подробностей из «Путешествия» сделало более явным его просветительское значение.

5. Выяснение причин переработки Измайловым своего произведения влияет на выбор основного текста при подготовке научного издания «Путешествия». Основным следует признать ту редакцию, которая оказала влияние на дальнейшее развитие литературы, то есть первую.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые предпринимается историко-литературное изучение «Путешествия в полуденную Россию», одного из значительных памятников литературы русского сентиментализма. В ней впервые определена структура «Путешествия», выявлен его сюжет. В ходе работы прослежены разнообразные связи его с другими произведениями этого периода, не попадавшие в поле зрения специалистов. В научный оборот вводятся новые тексты, связанные с восприятием жанра сентиментального путешествия; привлекаются хрестоматии и альманахи 1800–1820-х годов как источник для изучения взглядов на литературный процесс рубежа XVIII – XIX веков читателей и самих участников этого процесса. Впервые восстановлена история текста «Путешествия», определены принципы научного издания «Путешествия в полуденную Россию», которые могут быть распространены на другие памятники литературы сентиментализма.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что её результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах по истории русской литературы, а также для научного издания «Путешествия в полуденную Россию».

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на международных научных и научно-практических конференциях: XXXVIII Международная филологическая конференция (2009, Санкт-Петербург), Международная конференция молодых филологов (2010, 2011, Тарту, Эстония), Третья научная конференция молодых исследователей «Современные методы исследования в гуманитарных науках («История русской культуры в литературных контекстах»)» (2011, Санкт-Петербург), а также в виде доклада на открытом заседании Отдела русской литературы XVIII века ИРЛИ РАН (2010).

Результаты исследования представлены в четырех опубликованных и принятых к печати статьях.

Структура работы определяется поставленными задачами. Диссертация состоит из основной части, изложенной на 220 страницах и включающей введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение и список литературы из 169 наименований, а также трех приложений, в которых представлены тексты разных изданий «Путешествия», необходимые при обращении к истории текста.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность проблемы, формулируются цели и задачи исследования.

Первая глава «Жанровые особенности „Путешествия в полуденную Россию“» посвящена двум темам, относящимся к идейно-художественному своеобразию «Путешествия». В первом параграфе излагается основная проблематика, связанная с построением «Путешествия»; второй параграф отведен проблеме работы Измайлова с источниками его произведения. При этом рассматривается текст первой редакции «Путешествия», позднее претерпевший существенные изменения.

«Путешествие» представляет собой произведение большого объёма (около 500 тысяч знаков). Оно построено как ряд писем к родным Путешественника о поездке по южным губерниям, предпринятой в 1799 году. Письма пронумерованы римскими цифрами и озаглавлены по названию места, к которому каждое из них приурочено. Маршрут проходит из подмосковной деревни на юг России: в Малороссию, Новороссию (южные области современной Украины), Крым, Кавказ и Поволжье.

В § 1 «*Структура и проблематика „Путешествия“*» рассматривается сюжет книги как поиск счастья в сентиментальной трактовке, реализованный на двух уровнях: индивидуальном и общественном. Принадлежность произведения к сентиментальной культуре определяет ориентацию его автора на определённый круг имён и явлений, обращения повествователя к

родным, разные проявления личного начала. Сентиментальной направленностью «Путешествия» продиктована и установка автора на достоверность описываемых им событий, а главное, готовность Путешественника к «чувствительному» восприятию реальности.

Важную роль в замысле «Путешествия» играет многократно повторяющаяся на его страницах мечта Путешественника об обретении счастья, основанного на любви, близости к природе и литературных занятиях. Она раскрывается в описании встреченных Путешественником по дороге счастливых семей и в галерее портретов женщин, в разной степени воплощающих тип «естественного человека». Но книжное происхождение его мечты осознается самим Путешественником.

Счастье, поискам которого посвящает себя Путешественник, почти не встречается ему в реальности. Осознание иллюзорности видимого счастья оборачивается для Путешественника встраиванием своего личного идеала в структуру более высокого уровня: он устремляется на поиск идеального общества. При этом необходимым условием достижения счастья в пределах какого-либо общества является для Путешественника степень близости этого общества к естественному состоянию.

Зарисовки нравов встречаемых народов и обществ подчинены идее исследования культурно-просветительского потенциала «полуденной России». Она и сформулирована как основная цель Путешественника: «Мнения переменяются; поколения исчезают; но ум человеческий возрастает с веками, переживает заблуждения, и цветет один среди всех разрушений царств и народов. Из сего следует, что философический дух нашего времени требует от наблюдателя, чтобы он означил быстрое или медленное течение народа к успехам всемирного разума».²

Кавказ и особенно Крым рассматриваются как области, чей потенциал может раскрыться уже в ближайшем будущем. Крым удачно сочетает высокую древнегреческую культуру и естественность жизни его населения,

² *Измайлов В. В.* Путешествие в полуденную Россию, в письмах, изданных Владимиром Измайловым. М., 1802. Ч. 1. С. 197. Далее ссылки на это издание в тексте, с указанием части и страницы.

современного «Путешествию» – татар. В синтезе двух начал Путешественник находит залог будущего процветания полуострова, который должен стать тем «уголком света», в котором «хранится новая жила поэзии, рождение нового царства в мире фантазии, и, может быть, тайный ключ русской литературы» (3, 231–232).

Оба основных в глазах Путешественника качества общества, культура и естественность, воплощены в отдельных его представителях, и встречи с ними составляют ещё один уровень поисков. Путешественник встречается и ведет беседы как с «философами» (проповедник Иоанн Леванда, археолог М. Ф. Берлинский, ученик К. Линнея М. И. Афонин, натуралист П. С. Паллас), так и с татарами и черкесами, предстающими олицетворением естественного человека. При описании быта просвещенных собеседников подчеркиваются простота обстановки, отсутствие прислуги, наличие сада; в образе жизни – склонность к занятиям, предполагающим уединение, привычка к физическому труду, прогулкам. В «естественных» собеседниках выделяется стремление к просвещению: каждый из них сделал шаг от «дикого» состояния к европейской образованности и цивилизации. Сам Путешественник стремится к подлинной гармонии прогресса с естественностью.

Наиболее близкой к своему идеалу он находит Сарепту (колонию евангелистов-гернгутеров в Саратовской губернии), описание которой приобретает черты утопии. При этом Путешественник осознает, что обретенный им в Сарепте идеал возможен только в пределах очень небольшого и закрытого общества. Прделанное им путешествие подводит его к выводу, что счастье, заключающееся в гармонии просвещения с природой, возможно, однако лишь в пределах «уголка земли». В конце путешествия для него таким уголком становится Москва, куда он возвращается после своих странствий, предвкушая встречу с родными и «литеральным собратством» (4, 198).

Итак, за кажущейся размытостью повествования открывается продуманная композиция. Свободное нанизывание эпизодов, которое, начиная с работы Т. А. Роболы, считается основой поэтики русского сентиментального путешествия, оказывается фиктивным. Поиск счастья в

гармонии природы с просвещением составляет основу «Путешествия», раздумья о возможности счастья – его философскую предпосылку.

Следует отметить важность для измайловского «Путешествия» темы воспитания, имевшей определяющее значение не только в его творчестве, но и в жизни (Измайлов был и издателем первого в России педагогического журнала «Патриот» (1804), и организатором частной школы). Актуальными для Измайлова были идеи Ж.-Ж. Руссо о цели и смысле путешествий, высказанные им в книге «Эмиль, или О воспитании» (1762), в главе «О путешествиях». Не без оглядки на Руссо и традицию Bildungsreise, не упоминаемую, правда, в тексте, он строит книгу как воспитательную поездку. Путешественник не столько фиксирует обычаи и верования, порядки и характер «общежития» описываемых народов и обществ, сколько оценивает возможности определенной модели общества и приучает себя к толерантности и принятию существующего общественного устройства. Такая постановка вопроса продолжает поиск, намеченный Карамзиным в «Письмах русского путешественника» и других его произведениях 1790-х годов (таких как «Мелодор к Филалету», «Филалет к Мелодору» (1793–1794) и «Разговор о счастье» (1797)). Измайлова, как и Карамзина, волнует не оправдание существующего порядка вещей, а осмысление своего места в нем, – то, в чем после событий Великой французской революции нуждалась европейская, в том числе русская, культура.

Анализ структуры «Путешествия» показывает, что повествование в текстах такого рода представляется как бы естественным продолжением действительности. Это делает сентиментальное путешествие уязвимым для критики и пародии, и эта же особенность составляет, на наш взгляд, одну из ключевых характеристик жанра.

В § 2 первой главы диссертации «*Внежанровый контекст „Путешествия“*» рассматривается в соотношении с традицией контекст упоминаемых литературно-культурных реалий. Особенное внимание уделяется произведениям, авторы которых фигурируют в «Путешествии» в качестве персонажей.

В работе рассматриваются связи «Путешествия» с естественнонаучными трудами П. С. Палласа (1741–1811). Так например, полученные из его сочинений сведения о черкесских нравах Измайлов использует в разговоре Путешественника с проводником-черкесом. Этот проводник-черкес, по выражению автора, «полудикий», то есть получивший европейское образование, но не порвавший связи со своей национальной средой, служит доказательством, в его глазах, способности черкесского народа (и потенциально любого другого) к национальному самопознанию.

В числе своих киевских знакомых Измайлов называет известного археолога и историка Киева М. Ф. Берлинского (1764–1848). Следы знакомства Измайлова с концепцией Берлинского, изложенной им впоследствии в «Кратком описании Киева, содержащем историческую перечень сего города, также показание достопамятностей и древностей оного» (1820) видны как в отборе сведений о «достопамятностях» Киева и в объяснениях топонимов, так и в оценке состояния современного Киева, совпадающей с опубликованной позднее оценкой Берлинского.

Для Измайлова древности ценны не сами по себе: они служат поводом для введения «исторических воспоминаний» – поэтического аналога археологических поисков, восходящих к «Письмам об Италии в 1785 году» (1788) Ш. М. Дюпати (1746–1788), из которых взят эпитафия к «Путешествию». Для усиления эффекта достоверности переживаний от созерцания предмета искусства Дюпати использует приём «вживания»: повествователь как бы находится внутри картины, и лишь в конце становится ясно, что он наблюдает не реальные события, а своё представление о них, вызванное картиной. Концентрация этого распространённого приёма в произведении Дюпати и принципиальное значение этого текста для Измайлова определённо указывает на источник построения сцен «Путешествия», в которых повествователь оказывается зрителем событий древнекиевской истории.

Современный Киев рассматривается с точки зрения непростого положения киевлян, оказавшихся между просвещением и естественным состоянием. Измайлов отмечает не только благотворность российского

правления для полуденных земель, но и жалкое состояние города, больше похожего на деревню.

Образы самих Берлинского и Палласа в «Путешествии» привлекают Путешественника отсутствием в них стремления к славе, желанием незаметной жизни, наполненной семейными заботами и литературной работой. Это вызывает у Путешественника не только сочувствие, но и возражение: человек должен, по замыслу природы, «любя славу, делать усилия, без которых нет ничего великого в нравственном мире» (1, 80). Его возмущение вызывает и высказывание Палласа о том, что истина должна принадлежать одним учёным.

Таким образом, Измайлов, вводя научные источники, переосмысляет их, спорит с авторами – которые сами предстают на страницах книги в подробностях их умственной и бытовой жизни. Это лишает суждения Путешественника категоричности и окончательности, позволяя читателю встать самому на его место, вступить в диалог на равных правах с «философами». В использовании этого приема, безусловно, опознаётся модель «Писем русского путешественника», выявленная Ю. М. Лотманом.

Пафос государственной пользы, который проявлялся в некоторых сентиментальных путешествиях (у М. И. Невзорова, а особенно у П. И. Сумарокова), чужд Измайлову. «Полуденная Россия»: русская история, русская природа – под его пером раскрывает не экономический, а творческий потенциал. Патриотически-просветительская задача в трактовке Путешественника карамзинского типа обретала новые для русской литературы черты.

Из отразившихся в «Путешествии» художественных произведений современников Измайлова обращает на себя внимание прежде всего поэма «Таврида» (1798) С. С. Боброва (1763–1810). Несмотря на значительность интереса, проявленного писателем к Боброву (им был дан первый печатный отклик на «Тавриду») и заимствования в «Путешествии» из поэмы, собственно на поэтику она воздействия не оказала. По степени влияния художественное произведение оказывается на одном уровне с научным описанием. Насыщенность цитатами и отсылками является одновременно и слабой стороной «Путешествия», превращая его в своеобразный каталог

актуальных произведений. Это отличает его от «Писем русского путешественника» Карамзина, который не отказывался от игры с имитацией манеры выбранных литературных ориентиров. Только в некоторых местах «Путешествия», где источники, как правило, не называются, сама возможность поэтической интерпретации явления не проговаривается, а осуществляется.

Измайлов лишь отчасти использовал художественные открытия предшественников, но его опыт свидетельствует о продуктивности жанра сентиментального путешествия в русской литературе начала XIX века.

Вторая глава «Творческая история текста „Путешествия“ делится на два параграфа, в соответствии с числом известных этапов работы над текстом – двух редакций. Местонахождение рукописей «Путешествия» неизвестно, выявить их не удалось, поэтому о работе Измайлова над текстом произведения можно судить только по переизданиям. История текста «Путешествия» включает в себя переработку первоначального варианта для издания 1802 г., а затем – для издания 1805 г. Если второе обстоятельство отмечено исследователями (без уточнения степени и характера переработки), то первое вовсе не обращало на себя внимания. Анализ разных изданий позволяет говорить о второстепенных жанрово-стилевых признаках, ушедших при редактировании, и базовых, которых рука автора не коснулась.

В § 1 «*Издания 1800 и 1802 годов – варианты первой редакции*» кратко излагается предыстория издания «Путешествия», описываются известные экземпляры, определяется возможный круг лиц, на мнение которых Измайлов ориентировался при правке произведения, выясняется смысл предпринятой Измайловым правки, определяется соотношение вариантов. Издание 1800 г. представляло собой лишь первую половину текста «Путешествия», двумя годами позже дополненную второй, одновременно с которой была издана и переработанная первая, изменённая, по словам автора, для облегчения чтения и большего соответствия вкусам публики.

В издании 1802 г. имеются варианты в области графики (объяснимые издательской практикой владельцев типографии), лексики, а также пропуски

и переработки значительных по объёму фрагментов. Удаляются наивные суждения Путешественника, аллегоричность его высказываний. Часть изменений связана с облегчением цензурных условий, часть – с переработкой стиля, опиравшейся на критику Карамзиным стилиевых недостатков молодых авторов. Немногочисленность всех перечисленных изменений, последовательность и прозрачность правки свидетельствуют о том, что тексты «Путешествия» издания 1800 и 1802 гг. являются вариантами одной редакции: текст был улучшен, но качественной переработке не подвергся.

В § 2 «Издание 1805 года – вторая редакция „Путешествия“» характеризуются изменения, которым был подвергнут текст при третьем издании его в 1805 г. Сокращенный более чем на треть, он лишился многих «чувствительных» сцен, однако сочетание стилистической и идеологической трансформации (оценка, которой ограничивались исследователи, обращавшиеся к рассмотрению двух редакций «Путешествия»), представляется недостаточно чётким критерием для анализа переработки текста. Для отбора ключевых мест, по которым можно было бы судить о направлении изменений, были выбраны наиболее репрезентативные с точки зрения современников письма: переизданные в хрестоматиях, привлёкшие внимание переводчиков, отмеченные в критике и в пародиях. Результаты сопоставления двух редакций сгруппированы по уровням, для каждой из групп вычленены основные типы преобразований текста и проведено их истолкование. Предварительные выводы дополнены рассмотрением нескольких эпизодов, в которых изменения достигают особенно высокой концентрации. На данном этапе привлекался материал других писем. Наконец, последний этап работы заключался в своего рода проверке правильности результатов. По всему тексту обеих редакций был рассмотрен ряд характерных для Измайлова тем с целью выявления изменений в их трактовке (среди них в исследовании выделены внимание к народам и обществам, описания городов и достопримечательностей, соотношение природы и просвещения, исторические и литературные воспоминания). Обращение к тематическому анализу при сопоставлении двух редакций показывает их полную преемственность. Всё, на что Путешественник обращал внимание в первой редакции, остаётся в его поле зрения и во

второй. Из значимых исключений следует отметить удаление упоминаний о переписке, фрагментов назойливо сентиментального характера, ряда цитат и отсылок, ассоциаций с поиском Путешественником личного счастья.

Стремление к точности в передаче авторской мысли и к стилистическому разнообразию обусловило переработку средств художественной выразительности, что соответствовало «языковой программе» Карамзина. Вновь введённые фрагменты сообщают новые сведения, способные заинтересовать публику, корректируют и уточняют прежние, смещают акценты в повествовании, усиливают тенденцию удаления свидетельств авторского размышления о художественной природе созданного текста. Вытесняется характерный для литературы сентиментализма интерес к личности частного человека, находивший своё выражение в первой редакции «Путешествия» в наполнении его мелкими деталями, касающимися жизни повествователя. При некоторой разнородности изменений всё же видна их взаимосвязанность, цельность правки. Стилистические изменения согласуются с содержательными: те и другие направлены на устранение литературных аллюзий повествования. Следствием этого становится появление идеологической окраски (подчёркивание важности православия для личного опыта Путешественника), которой была лишена первая редакция «Путешествия». Она свидетельствует не об эволюции мировоззрения автора, а о смене модальности высказывания. Ответственность за него переносится с Путешественника, оценивающего достоинство места, исходя из своих личных пристрастий (соответствующих среднему культурному запасу сентиментального читателя), на общеисторический, национальный авторитет. Ярче всего это проявилось в киевских главах.

В целом различия между редакциями, какими бы существенными они ни выглядели, не влияют ни на композицию, ни на тематику произведения, затрагивая прежде всего фигуру повествователя. Но анализ этих различий помогает глубже проникнуть в логику авторского замысла. Издав первую часть «Путешествия» в 1800 г., Измайлов продолжал и совершенствовал своё произведение на протяжении пяти лет. Принципы правки 1802 г. легли в основу редакции 1805 г., существенно отличающейся от первой, но

решающей те же задачи. В переработке Измайловым своей книги отразилась логика литературного процесса его времени. Измайловское «Путешествие» было всего вторым оригинальным произведением этого жанра, ставшим известным публике. Но в период между 1800 и 1805 гг. появилось несколько новых произведений, в той или иной степени ориентированных на эту жанровую модель. Выработалась традиция их восприятия, отличная от «ученых» путешествий и путеводителей. Гибкость жанра при его постоянстве позволила перестроить повествование с учётом этой традиции. Обращение к восприятию, следовательно, необходимо не только для изучения литературного фона «Путешествия», но и в силу объяснения им творческой истории текста.

Третья глава «“Путешествие“ в оценке и восприятии современников», освещающая рецепцию «Путешествия» на фоне современной ему литературы путешествий, делится на три параграфа, в каждом из которых рассматривается определённый тип откликов на него: во-первых, произведения, пародийно переосмыслившие книгу Измайлова, во-вторых, отзывы в критике и продолжение традиции «Путешествия» в других художественных произведениях, наконец, прижизненные переводы и перепечатки отрывков из него в хрестоматиях. Изучение каждой из этих групп источников даёт интересные сведения о восприятии «Путешествия» глазами самих участников литературного процесса и читателей.

В § 1 «*“Путешествие“ в зеркале пародии*» рассматриваются отклики, поступившие от писателей-«архаистов». Понимание того, что именно в «Путешествии» воспринималось как его «погрешности»: типичное или конкретное, общее или частное, – не только позволяет судить о том, как оно воспринималось на фоне литературы своего времени, но и помогает в определении его места в литературном процессе и выяснении природы жанра сентиментальных путешествий.

Первым по времени выступлением, непосредственно связанным с «Путешествием», была полемическая комедия А. А. Шаховского «Новый Стерн» (1805), пародийный стиль которой создавался во многом за счёт

цитат и реминисценций из книги Измайлова. Шаховской порицал искусственность поведения сентиментального героя, претендующего на естественность и простоту, а также подражательность сентиментальных идеалов. Комедии были посвящены две критические статьи в «Журнале российской словесности» и одна в «Северном вестнике», полемичная к ним (1805). В полемике обозначились две позиции относительно пользы, приносимой сентиментальными путешествиями, при этом как аргумент, подтверждающий их пользу, названо «Путешествие» Измайлова – произведение, которое как раз послужило материалом для пародии – и названо, как представляется, совершенно справедливо: Шаховской не заметил в нём того, что противоречило художественной задаче «Нового Стерна». Дискуссия же в интересующем нас аспекте показала, что значение сентиментального путешествия как жанра было слишком очевидно для одной части литературного сообщества и совершенно неприемлемо для другой.

Шаховской и его защитник из «Северного вестника» видели искусственность в самой форме постановки сентименталистами проблемы естественности. Эта критика форм провоцировала на поиски, переработку уже изданных текстов. И хотя вторая редакция «Путешествия» Измайлова, в которой пласт сентиментальной лексики и чувствительных сцен резко сокращён, вышла в свет в том же 1805 году, когда состоялась постановка «Нового Стерна», и едва ли учитывала развернувшуюся дискуссию, характерен сам факт совпадения. Отчасти этим объяснимо отсутствие более активной полемики вокруг пьесы.

Другой род критики отразился в пародийном сочинении члена «Беседы любителей русского слова» А. С. Хвостова (1753–1820) «Сентиментальный вояж» (1809), которое диссертантом впервые вводится в научный оборот. Утрировано «чувствительный» повествователь «Вояжа» делает сомнительным достоверность сентиментальных путешествий. В этом небольшом и изящном произведении Хвостов надевает маску наивного автора, который в стремлении следовать образцам (названы Карамзин и Измайлов) всё случающееся с ним по пути спешит описать, используя при этом формулы и стандартные сцены сентиментальных путешествий. В тексте иронически обыграны элементы, характерные для сентиментального

путешествия: посвящение, меланхолический пейзаж, выражение горечи от разлуки с друзьями и близкими. «Вояж» гротескно переполнен «сентиментальной» лексикой. Сентиментальное настроение приводит «вояжера» к необоснованным выводам о реальности и к совершению глупых поступков. Его слова нередко расходятся с действиями, продиктованными стремлением к комфорту.

Перед читателем проходит ряд эпизодов, каждый из которых завершается ироническим высказыванием или столкновением какого-либо сентиментального штампа с реальностью. Композиция произведения предельно проста, его можно завершить в любом удобном месте (тем самым повторяется и пародируется вольное отношение к маршруту, характерное для сентиментального путешествия). При этом бросается в глаза противоречие, не предусмотренное автором и напрямую связанное с «Путешествием» Измайлова.

Сцене неожиданной встречи измайловского Путешественника с кормилицей в незнакомом городе Хвостов противопоставляет своё воспоминание о давно скончавшихся родителях, в котором, несмотря на полемическую направленность, проявляется непосредственное влияние сентиментальных путешествий. Этот эпизод, противостоящий основной части «Вояжа», пронизанной беспощадной иронией, вызывает непредусмотренный автором эффект. Он явно свидетельствует об успехе сентиментальных путешествий, и, в частности, «Путешествия» Измайлова, в разработке темы личной памяти.

«Вояж» написан в шутовском тоне, ни к чему не обязывающей литературной игры, цель которой сама игра и развлечение для друзей. Пародийное начало в нем растворено в авторской иронии. Но сентиментализм в своих лучших образцах сам предполагает иронию. Получается, что пародия Хвостова во многом смыкается с предметом своего осмеяния; в некоторых местах текст неотличим от собственно сентиментального путешествия. Материал, описанный автором «Вояжа», таков, что включает в себе возможность комического его переосмысления, которая часто реализуется. Вне зависимости от желания автора пародии, она оказывается не столько противопоставленной своему объекту, сколько

сливается с ним, продолжая его. Такая критика лишь заостряла вопрос: как писать о путешествии, как найти грань между правдой реальности и художественной природой рассказа о ней.

§ 2 «Критика и отклики. К определению жанра» объединяет как собственно критические высказывания, так и произведения, написанные в определённой степени под воздействием опыта Измайлова.

В не всегда одобрительных отзывах на «Путешествие», практически сопровождавших его публикацию, литераторов, близких кругу Карамзина: Г. П. Каменева, И. А. Второва, А. С. Кайсарова, Андрея и Александра Тургеневых – выявлены их представления о жанре сентиментального путешествия, отразившиеся на восприятии читательской публикой произведения Измайлова. В вину ставилась, во-первых, его фрагментарность, почти механическое соединение ряда сильных, «чувствительных» эпизодов, во-вторых, подвергалась сомнению его искренность, невозможная в соединении с «исправностью слога». В этом младшие карамзинисты парадоксально сходились с архаистами, для которых показателем неискренности чувств сентиментальных авторов был, в первую очередь, их стиль.

Для понимания требований, которые предъявлялись к сентиментальным путешествиям, принципиальное значение имеют рецензии П. И. Макарова в «Московском Меркурии» (1803) на произведения М. И. Невзорова и П. И. Шаликова. Ключевым в сентиментальном путешествии для Макарова оказывается определённым образом понимаемое правдоподобие: автор сентиментального путешествия, с его точки зрения, не должен уходить в своих рассуждениях слишком далеко от изображаемых им явлений. Критикуемое несоответствие исполнения художественному заданию косвенно проясняет требование жанра сентиментальных путешествий. Оно состоит в соблюдении меры и соразмерности в насыщенности путешествия фактами и в картинах, нарисованных воображением. Выдвинутые Макаровым критерии в целом соотносимы с измайловским делением путешественников на «натуралистов» и

«философов», не развитым в рассуждениях автора «Путешествия», но отразившимся в построении текста.

Более поздняя критика «Путешествия» М. Т. Каченовским (1806) и А. Е. Измайловым (1824), представляющая собой разборы стилистических и, в первую очередь, фактических ошибок, показывает, что уже несколько лет спустя в сентиментальных путешествиях читателями ценилась, прежде всего, их познавательная сторона, независимо от природы художественного задания. Писатель волен отбирать материал для описаний, но они должны соответствовать действительности. Каченовский, правда, с иронией говорит о свободе автора сентиментального путешествия выбирать объекты для рассмотрения, влекущей за собой вольное обращение с фактами.

Влияние «Путешествия» Измайлова обнаруживается не только в других сентиментальных путешествиях русской литературы (М. И. Невзорова, П. И. Сумарокова, П. И. Шаликова), но и в «крымской повести» Шаликова «Аделаида и Арист, или Колонисты» (1812), которая полностью построена на развитии одного из ведущих мотивов «Путешествия». Её герои, добродетельные супруги, разочаровавшиеся в обществе, под влиянием именно произведения Измайлова решают отправиться в прекрасный «уголок земли» – Крым, и поселиться там в «долине любви и нежности», где их досуг украшает чтение книг, среди которых само «Путешествие» занимает, по-видимому, ведущую позицию. Заимствуя стихотворение Измайлова о Крыме, вошедшее в «Путешествие», и развивая на его основе историю, основанную на измайловском же мотиве, Шаликов создаёт интерпретацию этого произведения, в которой усилены черты, не специфические для Измайлова, но свойственные сентиментальному направлению вообще и сочинениям самого Шаликова.

Авторы литературных путешествий 1820-х – 1830-х годов уже никак не опирались на устаревший литературный опыт Измайлова. Только путевые очерки А. Ф. Воейкова (1825) демонстрируют сходство с «Путешествием» в ряде мотивов и описаний. Прежние критерии оценки сентиментальных путешествий к этому времени уже стёрлись. Так, для мемуаристов Н. Д. Иванчина-Писарева и М. А. Дмитриева стиль Измайлова видится уже

эталонным для своего времени, содержанию же «Путешествия» они придают второстепенное значение.

Как видно из разобранных в диссертации критических отзывов современников Измайлова, интерес к его «Путешествию» в начале XIX века был большим, и его место в литературной ситуации конца XVIII – начала XIX века нельзя назвать незначительным, а успех случайным.

В § 3 «„Путешествие“ как образец: хрестоматии и переводы» внимание сосредоточено на исследовании читательского признания «Путешествия», отразившегося в публикации отрывков из него в хрестоматиях 1810–1820-х годов, составленных Н. И. Гречем, А. Ф. Воейковым, А. Вербицким. Составители хрестоматий отмечали неудачные с их точки зрения обороты, иногда вносили исправления в текст. В то же время, выбор текста Измайлова в качестве «образцового сочинения» для раздела писем (наряду с произведениями Карамзина и Макарова) показывает, в каком жанровом ключе он ими прочитывался. В диссертации рассматривается ряд особенностей, сопровождавших данные публикации. Печатаая текст «Путешествия» по изданию 1802 года, составители хрестоматий исправляли стилистические ошибки, доходя в этом до вмешательства в индивидуальные особенности стиля. Помимо этого исключались отрывки, прямо указывавшие на переписку. В общей сложности в хрестоматиях было представлено девять глав книги Измайлова; наибольший интерес был проявлен к Крыму. Во все публикации вошло описание восхождения на Чатыр-Даг (в дальнейшем, в учебных хрестоматиях второй половины XIX века, творчество Измайлова было представлено отрывками из сарептских глав).

Представляется важным, что «Путешествие» ещё в 1810–1820-е годы оказывалось своего рода образцом жанра сентиментального путешествия. Признанные же в свое время оба «Путешествия в Малороссию» Шаликова, «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии» Сумарокова, «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург» Невзорова не были включены ни в одну из хрестоматий и хрестоматийными не стали. Публикуя отрывки из «Путешествия» Измайлова, составители хрестоматий демонстрируют ими не

жанр сентиментального путешествия, а скорее образец эпистолярного жанра, помещая их в разделы «Письма», и ставя их в образец «слога писем». При этом произведенное ими последовательное снятие эпистолярного обрамления публикуемых писем из «Путешествия» Измайлова, помещение в одном разделе с ними как реальных писем Екатерины II, А. В. Суворова, так и отрывков из карамзинских «Писем русского путешественника», свидетельствуют о некоторой аморфности представлений составителей и о жанре «письма».

Отрывки из «Путешествия» в переводах на немецкий и французский языки появились уже в 1803–1805 годах. Из отзывов европейских журналов наибольший интерес представляют две рецензии (1803) известного переводчика и популяризатора русской литературы на Западе И. Г. Рихтера (1763–1829): краткая в журнале «*Russische Miscellen*» («Русская смесь»), выходящем в Лейпциге, и расширенная в лейпцигской же газете «*Allgemeine Literaturzeitung*» («Всеобщая литературная газета»). В «*Russische Miscellen*» появились и переводы отрывков из «Путешествия»: о киевских святынях и о П. С. Палласе. Решающую роль при выборе Рихтером отрывков для публикации в журнале сыграл интерес к их содержанию, что вписывалось в его программу широкого знакомства немецкой публики с историей, культурой и бытом России. В рецензиях он отмечает излишнюю чувствительность описаний Измайлова, а в то же время ценность некоторых из них, заключающуюся в открытии для читателя неизвестных ему российских земель. Важно отметить, что подвергшиеся критике Рихтером места «Путешествия» были исключены Измайловым при подготовке второй редакции, отчасти, возможно, вызванной этой и другими зарубежными рецензиями и переводами.

Отсутствие полного перевода «Путешествия», анонсированного Рихтером, может быть связано как с его отъездом из Москвы, так и с пресыщенностью немецкой публики описаниями южной России. Помимо перевода «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии» П. И. Сумарокова и в особенности трудов Палласа (которые удовлетворяли как любопытство читателя, так и требовательный читательский вкус), существовали специальные иллюстрированные издания, посвященные России, в которые

попадали экстракты из лучших описаний. В одном из таких изданий: «Malerische Darstellungen der Sitten, Gebräuche und Lustbarkeiten bey den Russischen, Tatarischen, Mongolischen und andern Völkern im Russischen Reich» («Живописное изображение обычаев, быта и развлечений русского, татарского, монгольского и других народов Российской империи»; Лейпциг, 1804) были помещены и наиболее познавательные, с точки зрения издателей, отрывки из «Путешествия», с ироническими комментариями по поводу сентиментальности Измайлова, уже устаревшей в Германии.

В Заключении подводятся итоги данного исследования. «Путешествие» Измайлова находится у истоков нескольких зарождавшихся тогда традиций русской прозы. Соприкоснувшись в самом своем начале с сентиментальным стилем и сентиментальным мировоззрением Измайлова, эти традиции до известной степени испытали на себе его влияние. Воздействие Измайлова на прозу начала XIX века сказалось в появлении в ней новых тем, к которым относятся, в первую очередь, жизнь «полудиких» народов и осмысление Малороссии–Украины как райской страны. «Путешествие» Измайлова определило также распространившийся вскоре образ путешественника, ищущего счастья.

В диссертации впервые выявлен сюжет и восстановлена история текста «Путешествия». На примере произведения Измайлова в диссертации показан ряд особенностей русских сентиментальных путешествий, продемонстрирован художественный потенциал этого жанра, определено место «Путешествия» в русском литературном процессе конца XVIII – начала XIX веков.

В заключении диссертации намечена также перспектива изучения «Путешествия». Оно должно быть направлено на выявление специфики русских сентиментальных путешествий в ряду западноевропейских образцов этого жанра. Это потребует расширения контекста его изучения за счет привлечения иностранных сентиментальных путешествий. В свою очередь это не может не привести к расширению хронологических границ исследования, поскольку в европейской литературе жанр сентиментального путешествия был известен уже с 1770-х годов. Включение «Путешествия»

Измайлова (а вместе с ним и русских сентиментальных путешествий) в европейский контекст не только даст возможность оценить соответствия русского путешествия иностранным, но и позволит увидеть особенности жанра сентиментального путешествия в его русском воплощении. Все это должно привести к созданию концептуального описания жанра сентиментального путешествия в русской литературе.

В Приложении представлены тексты разных изданий «Путешествия», необходимые при обращении к истории текста.

По теме диссертации опубликованы следующие работы (статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, отмечены астериском):

1. * Неизвестное произведение А. С. Хвостова // Русская литература. 2010. № 3. С. 73–86.
2. * Поиск счастья «русским путешественником» (сентиментальный сюжет в «Путешествии в полуденную Россию» В. В. Измайлова) // Русская литература. 2011. № 3. С. 139–147.
3. * История текста «Путешествия в полуденную Россию» В. В. Измайлова // XVIII век. СПб. Сборник 27. (в печати).
4. «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в оценке и восприятии современников // Русская филология. Тарту. Вып. 23. (в печати).